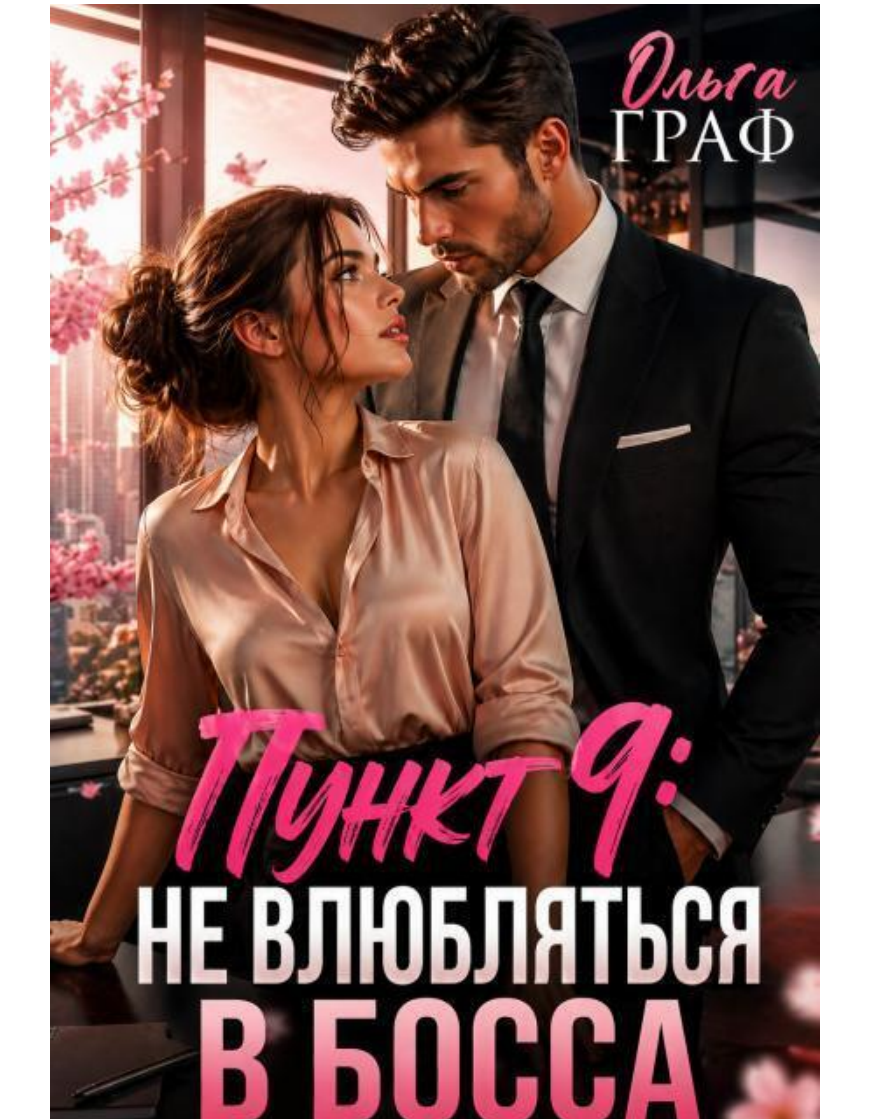

A romantic scene between a man and a woman in an office setting. The man, with dark hair and a beard, is wearing a dark suit and tie, looking down at the woman. The woman, with brown hair in a bun, is wearing a light pink silk shirt, looking up at him. They are standing in front of a large window with a view of a city skyline and cherry blossoms. The lighting is warm and intimate.

Ольга
ГРАФ

Пункт 9:
**НЕ ВЛЮБЛЯТЬСЯ
В БОССА**

Ольга Граф

До лета не влюбляться в босса

<https://litres.ru/74367019>

Аннотация

Она составила список желаний. Босс нашёл его первым.

Весной я решила вернуть себе свою жизнь.

Составила список дел до лета: найти нормальную работу, перестать быть удобной, купить красное платье, сходить на свидание без чувства вины и главное — не влюбляться в мудаков.

Особенно в таких, как Артём Сергеевич Крылов.

Мой новый босс оказался холодным, наглым и слишком красивым для моего душевного равновесия.

А ещё он нашёл мой список.

Теперь вычёркивает мои пункты, добавляет свои и срывает мои свидания так, будто это входит в его должностные обязанности.

Зря.

Я тоже умею играть.

Теперь у меня новый пункт:

заставить Артёма Сергеевича потерять контроль.

Жаль, всё усложняется, когда ради важного контракта нам приходится изображать пару.

А отношения в компании запрещены.

Я хотела вернуть себе жизнь. Он хотел всё контролировать.

Но до лета мы оба провалим один пункт.

Не влюбляться.

Содержание

Глава 1. Худшее собеседование	5
Глава 2. Второй этап	18
Глава 3. Добро пожаловать в ад. Стилль деловой	34
Глава 4. Цвет красный	45
Глава 5. Катя, Орлов и другие источники головной боли	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глава 1. Худшее собеседование

У меня был план.

Хороший план, между прочим — я над ним думала всё утро, пока ехала в метро и мысленно отрепетировала ответы на двенадцать стандартных вопросов, включая «назовите свои слабые стороны» (ответ: перфекционизм, всё продумываю заранее, вот прямо сейчас например). Оделась, причесалась, выпила кофе и пришла на десять минут раньше — потому что раньше это профессионально, а точно вовремя это на грани.

Я сижу в приёмной агентства «Первый ряд», жду собеседования и пишу в блокноте список. Блокнот с цветочками на обложке — подарок Кати, «для вдохновения, Соня, прекрати жить как автоответчик». Я его три года не открывала. Взяла сегодня, потому что когда нервничаю — мне нужно что-нибудь писать. Это терапевтически.

Список, если честно, не про работу.

Список — про меня.

Потому что последние полгода у меня есть ощущение, что я забыла кто такая Соня Ветрова. Не в смысле «потеряла себя» — это звучит как название плохого романа. В смысле конкретном: три года я была удобной, предсказуемой и правильной. Знала наизусть кто из тридцати восьми сотрудни-

ков не переносит кофе без молока. Умела успокоить разъярённого клиента за четыре минуты. Была нужна, полезна и совершенно невидима одновременно — это отдельный жанр, скажу вам.

А потом пришла реструктуризация.

«Соня, вы чудесный человек, но ваша должность упраздняется» — сказали мне, глядя куда-то в стену за моей головой, потому что прямо в глаза смотреть неловко, когда выбрасываешь человека как устаревший принтер. Оптимизация. Тридцать восемь дней рождений — оптимизированы. Курьерская служба которую я строила три года — тоже.

Это был март.

В феврале ушёл Максим. «Ты слишком серьёзная» — сказал он. Три года вместе. Итог: слишком серьёзная. Я потом долго думала, что это означает, и пришла к выводу примерно следующему: «ты не развлекаешь меня, а готовить ты бросила ещё в прошлом году». Ладно. Усвоено. Следующий.

Так что список — это просто напоминание о том, что где-то под слоями удобства и правильности ещё живёт человек с желаниями. Проверяю.

Пункт первый: найти нормальную работу. Не просто работу — нормальную.

Пункт второй: перестать быть удобной для всех.

Пункт третий: купить красное платье и надеть его.

Пункт четвёртый: сходить на свидание без чувства вины. (проще написать, чем сделать, Катя уже несколько раз пыта-

лась меня вытащить, но толку пока маловато)

Пункт пятый: сказать маме что я тоже устаю. (Самый страшный. Пока не готова.)

Пункт шестой: съесть что-то вкусное просто так, не на праздник и перестать худеть каждый понедельник!

Пункт седьмой: выйти на улицу без телефона хотя бы раз и насладиться прогулкой.

Пункт восьмой: перестать извиняться, когда я ни в чём не виновата.

Написала восьмой. Посмотрела. Хорошо. Честно. Убрала ручку.

За закрытой дверью шёл приглушённый разговор. Я сидела, смотрела на фотографии чужих красивых мероприятий на стенах и прикрывала рукой маленькое пятно от соуса на пиджаке. Рефлекторно. Пятно появилось неделю назад и переживёт нас всех, я уверена.

На двадцать восьмой минуте дверь открылась.

* * *

Вот про что мне никто не говорил: что в ивент-агентствах бывают вот такие боссы.

В интернете про Артёма Сергеевича Крылова написано следующее: основатель, СЕО, построил агентство с нуля за шесть лет, жёсткий переговорщик, в индустрии уважают и слегка боятся. Фотографий — минимум, все деловые, на всех смотрит мимо камеры.

Живой Крылов — это была отдельная история.

Костюм который явно шили под конкретные плечи — под его. Резкие черты, тёмные волосы, тёмно-серые глаза. Внешность из тех, про которые говорят «опасно красивый» — это не комплимент, это диагноз: смотришь и думаешь не просто «ах», а «ах, и зачем мне это сейчас, у меня же собеседование».

Он посмотрел на меня. Без улыбки, без «добрый день», без элементарного жеста в сторону приветствия.

— Ветрова.

Не вопрос. Констатация. Как будто он открыл список и поставил галочку.

— Она самая, — сказала я. — Которая ждёт уже двадцать восемь минут.

Это вырвалось само. Честно, я не планировала. Пункт восьмой, немедленная практика.

Он смотрел на меня секунду — как человек, который встретил что-то немного нестандартное и ещё не решил как к этому относиться.

— Крылов. Пройдёмте.

Кабинет был в точности как он: дорогой, точный, без лишнего. Большое окно, весенний бульвар снаружи, на столе — ноутбук, моё резюме и стакан воды. Никаких фотографий, цветов, кружек с надписью «лучший босс». Я подумала: он тут вообще живёт или просто хранится?

Он сел. Открыл папку, посмотрел в бумаги несколько секунд. Закрыл.

— Расскажите о предыдущем опыте.

— Три года офис-менеджером в консалтинге. Административное управление, координация отделов, работа с клиентами—

— Почему уволили.

Даже не «почему ушли». «Почему уволили» — прямо в середину предложения, пока я ещё говорила.

— Реструктуризация. Должность упразднили.

— В компании из сорока человек.

— Из тридцати восьми, если быть точной.

— И упразднили должность человека, который знал как работает всё. — Пауза. — Очень логично.

— Я тоже так не думаю, — сказала я. — Но меня не спрашивали.

Он смотрел. Я смотрела. Мы некоторое время занимались этим, и я сообщила себе: не моргать слишком часто, это выглядит нервно.

— Что вы знаете о вакансии.

— Старший ассистент с функциями координатора. По описанию — управление расписанием, первичные переговоры, координация на мероприятиях, иногда представление компании перед клиентами. — Пауза. — По факту — вы ищете человека, который думает на шаг вперёд, не ждёт задач а видит их сам, и при этом не раздражает вас присутствием. Это сложнее, чем звучит.

Он чуть наклонил голову.

— Почему сложнее.

— Потому что «не раздражает» — это не про профессионализм, это про совместимость. Вы, судя по всему, не объясняете — вы ожидаете что поймут. Значит, нужен человек который читает контекст, а не инструкцию. Таких меньше чем кажется.

— Вы себя имеете в виду.

— Я имею в виду, что понимаю задачу. Подхожу ли я — это вы оцениваете, не я.

— Скромненько.

— Честно. Это разные вещи.

Он смотрел на меня, не моргая, как удав - опасный, хищный красивый удав. Мысленно я поставила ему уже несколько диагнозов, начинались они со слова нарцисизм, заканчивались - мудак.

— Слабые стороны.

У меня был готовый ответ. Перфекционизм, трачу много времени на детали — классика жанра, безопасно и ни о чём. Но он меня уже сильно разозлил.

— Говорю правду, когда лучше было бы промолчать.

Он поднял взгляд.

— Это вы сейчас демонстрируете или предупреждаете.

— И то, и другое.

— Опишите мероприятие которое организовали. Конкретно. Что пошло не так.

Это я любила. Здесь хотя бы можно было показать, что ты

профессионал, а не просто кролик перед шляпой фокусника.

— Корпоратив в декабре. Двести человек, загородный отель, два дня. За трое суток до начала отель звонит и говорит: мы перепутали даты, ваши залы отданы другому клиенту. — Я говорила быстро, но не от нервов — история была живая. — За четыре часа обзвонила семь площадок. Нашла одну на те же даты, но там не хватало оборудования для одной сессии. Параллельно — три варианта письма для сотрудников на разные исходы. Договорилась с арендой техники, нашла звукового подрядчика за сутки, пересогласовала трансфер. Всё прошло по новой площадке. Рядовые сотрудники не знали что вообще была проблема.

— Три варианта письма превентивно, — повторил он. Медленно, будто проверял на вкус.

— Я не люблю быть застигнутой врасплох.

— Что сделали бы иначе.

— Прописала бы в договоре неустойку за отмену с их стороны. У нас был стандартный договор без этого пункта. Я его не составляла — но проверить должна была. Не проверила. Больше не повторяю.

— Вы только что рассказали мне о своей ошибке на собеседовании.

— Вы спросили, что бы я сделала иначе. — Я пожала плечом. — Если вам нужен ассистент который умеет признавать ошибки и делать выводы — вот пример. Если нужен ассистент без ошибок — таких не бывает, но я могу притворить-

ся на первом интервью.

Что-то в его взгляде изменилось. Совсем немного. Он смотрел на меня как на — сложно было точно сформулировать. Не как на кандидата. Как на что-то, что ведёт себя не совсем ожидаемым образом, и пока непонятно — это хорошо или проблема.

— Почему я должен рассматривать вас. Нет опыта в агентстве. Нет портфолио ивентов.

Вот тут — что-то во мне переключилось. Не злость, что-то холоднее и точнее.

— Не должны, — сказала я ровно. — Это ваш выбор. Но агентский опыт — это умение работать в готовой структуре. Я умею создавать структуру из ничего — это другое. Вижу что нужно раньше чем попросят. И не боюсь говорить вам неудобные вещи — что, судя по всему, большинство ваших сотрудников делать не рискует. Минус это или то что вам нужно — вы лучше знаете.

Тишина в кабинете стала другой. Плотнее.

Он смотрел на меня. Я смотрела на него. Пятно от соуса я давно перестала прикрывать рукой.

— Свободны. Мы вам перезвоним.

Встала. Взяла сумку. Спина — прямо, голова — прямо. Дошла до двери.

— Ветрова.

Обернулась. Он смотрел на стол. Взял ручку.

— Договор с площадкой. Неустойка за их отмену. Какой

минимальный процент.

Я не ожидала этого вопроса. Но ответ знала — потому что после декабря специально разобралась.

— Тридцать процентов при отмене менее чем за семь дней. Пятьдесят — менее чем за трое суток. Плюс компенсация верифицированных расходов на альтернативную логистику.

Поднял взгляд.

— Откуда.

— Прочитала три типовых договора на аренду площадок. После декабря, на будущее.

Он смотрел на меня секунду — и отвёл взгляд. Я вышла.

* * *

В коридоре я шла ровно и спокойно ровно до того момента, когда свернула за угол к лифтам. И вот тут — выдохнула.

Нажала кнопку. Встала. Смотрела на цифры.

Мысли выстроились сами собой, в хронологическом порядке, как протокол заседания. Пункт первый: он хамил. Пункт второй: перебивал. Пункт третий: спрашивал вещи не чтобы понять, а чтобы поймать. Пункт четвёртый: «свободны» — как будто я была не кандидатом, а задачей которую он закрыл.

Лифт не ехал. Я смотрела на «12» и думала.

Последний вопрос — про договор — был нормальным. Это бесило больше всего остального, потому что нормальный вопрос от человека который только что вёл себя невыно-

симо — это непоследовательно. Непоследовательность раздражает. Я люблю когда мудаки ведут себя мудаками ровно и без исключений, это хотя бы честно.

Я достала блокнот.

Открыла на восьмом пункте.

Ниже была чистая строчка, и она требовала заполнения — немедленно, прямо сейчас, потому что последние сорок минут наглядно продемонстрировали: есть кое-что важное, что я пропустила. Правило, которое я нарушала всю взрослую жизнь и в нарушении которого сама себе не признавалась.

Написала — крупно, другим нажимом, заглавными, с тремя восклицательными знаками на случай если потом забуду насколько это серьёзно:

*ПУНКТ 9: НЕ ВЛЮБЛЯТЬСЯ В МУДАКОВ. ОСОБЕННО
В ТАКИХ КАК АРТЁМ СЕРГЕЕВИЧ!!!*

Закрыла блокнот. Выдохнула. Стало немного лучше.

Лифт наконец приехал. Двери открылись — и из него вынеслась девушка с тремя папками, телефоном зажатым плечом и кофе в руке.

— Ой—

Мы столкнулись. Папки полетели. Кофе качнулся. Я схватилась за сумку — и блокнот, который я так и держала в руке, вылетел куда-то в сторону, стукнулся о стену и приземлился под стул у стены. В тень. Тихо.

— Простите, простите, я совсем—

— Всё хорошо, — сказала я, помогла ей подобрать папки,

шагнула в лифт.

Двери закрылись.

Я поправила сумку. Поправила пиджак. Посмотрела на цифры.

«Один». Лобби. Улица.

* * *

Весна, солнце, кто-то жарит неподалёку с чесноком — пахнет так хорошо, что почти примиряет с реальностью. Почти.

Я купила кофе у первого же ларька, нашла скамейку в сквере через дорогу и написала Кате: «Собеседование было. Босс — мудака. Красивый».

Катя ответила через тридцать секунд: «Значит, идеально. Когда второй тур?»

Я убрала телефон.

Злиться уже почти перестала — осталось только тихое раздражение, которое хуже злости, потому что с ним непонятно что делать. Злость проходит. Раздражение остаётся и бормочет фоном.

Он задал правильный вопрос про договор. Это было профессионально. Значит, там — за всем этим холодным «свободны» и «почему уволили» — думающий человек. Думающий, но невыносимый.

Самое обидное сочетание.

Я допила кофе. Полезла в сумку за блокнотом — записать пару мыслей пока свежие.

Блокнота не было.

Я искала тщательнее. Не было.

Вспомнила: держала его в руке у лифта. Столкновение. Папки. «Ой».

Я некоторое время стояла и смотрела в сумку.

Идти обратно. Объяснять на ресепшне. Подниматься на двенадцатый. Видеть его снова — сегодня, сейчас, когда я ещё не успела собраться в точку и снова выглядеть человеком у которого всё под контролем.

Нет.

Это блокнот с цветочками. Никому чужой блокнот с цветочками не нужен. Найдут, отдадут на ресепшн. Завтра позвоню.

Я поправила сумку и пошла к метро.

* * *

На двенадцатом этаже уборщица нашла блокнот под стулом у лифтов и отнесла Марине. Марина заглянула — имени не было, зато последняя страница была открыта. Марина прочитала список. Потом — последнюю строчку.

Подумала секунду.

Отнесла Крылову.

Он взял. Открыл там где страница была загнута. Прочитал с первого по восьмой — простые вещи, написанные честно и немного отчаянно, без пафоса.

Потом — строчку ниже. Крупную. Заглавными. Стремя восклицательными знаками.

Читал её дольше чем нужно для понимания смысла.

Посмотрел в окно — на бульвар, на весну, на людей которым было куда идти.

Перечитал.

Впервые за очень долгое время — засмеялся. Странное ощущение — как будто резко освободился от какого-то тяжёлого груза.

Положил блокнот в ящик стола.

Взял телефон.

— Марина. Ветрову — в пятницу. Второй этап.

Пауза.

— Да. Уверен.

Сохраняй книгу, чтобы не потерять!

Вы начинаете читать книгу из цикла «Переполюх в офисе». Здесь строгие начальники слишком часто нарушают собственные правила, а героини никогда не сдаются без боя.

Глава 2. Второй этап

В четверг утром они позвонили, когда я стояла над раковиной и выясняла отношения с кофемолкой.

Кофемолка заедала уже неделю — каждое утро один и тот же ритуал: я давила, она сопротивлялась, я давила сильнее, она уступала с таким звуком, будто я её обидела. Это называлось «приготовить кофе». Я обещала себе купить новую ещё в прошлую пятницу, но у меня список обещаний самой себе уже на двух страницах, там очередь.

Голос в трубке был деловой и немного усталый — Марина с ресепшна, звонящая явно не первый раз за утро.

— Ветрова? Вас приглашают на второй этап. Пятница, одиннадцать.

— Да, — сказала я. — Буду.

— Отлично. До пятницы.

Всё. Вот и весь звонок. Никакого «поздравляем» или «мы рады» — просто информация, просто время. В этом было что-то такое крыловское, что я почти засмеялась.

До пятницы у меня было два дня, и я потратила их правильно. Изучила три последних крупных проекта агентства по публичным материалам — пресс-релизы, фотоотчёты, отраслевые медиа. Нашла оба интервью с Крыловым — оба двухлетней давности, оба без воды, без красивых слов, только конкретика и цифры. Интервью брали разные люди, но

в обоих был один и тот же момент: интервьюер задавал расплывчатый вопрос, Крылов его переформулировал в точный и отвечал уже на него. Каждый раз. Оба раза.

Это было что-то между «профессионально» и «с вами, наверное, тяжело».

Катя написала в среду вечером: «Ты готовишься или нервничаешь?»

«Одновременно».

«Это одно и то же. Ты уже там работаешь, Соня, просто ещё не официально».

«Катя».

«Я знаю, я знаю, сглажу. Иди спи».

В пятницу я встала в семь, надела нормальное пальто — не пиджак с соусом — и поехала. В метро повторяла про себя пункт девятый. Не потому что думаю о нём — это профилактика. Профилактика важна.

* * *

Агентство при ближайшем рассмотрении оказалось не таким стерильным, как в понедельник.

В понедельник я сидела в приёмной. Сегодня Марина провела меня в рабочую зону — и там было: три стола с людьми которые говорили одновременно по телефону и между собой, стена с большим планингом расписанным разными цветами на три месяца вперёд, флипчарт с чьей-то схемой из стрелок и непонятных сокращений, и в центре общего стола — коробка с пончиками.

Я почувствовала, что блин очень хочу тут работать. Это было некстати.

— Артём Сергеевич просил подождать, — сказала Марина.

Я встала у окна. Слушала как кто-то за спиной объяснял в трубку что «нет, зелёные скатерти это не то же самое что скатерти цвета шалфея, это принципиально разные вещи, вы понимаете? Прин-ци-пи-аль-но».

Восемь минут. Я не считала специально — просто отметила.

— Ветрова.

Обернулась.

Крылов стоял в дверях переговорной — в сером джемпере, без пиджака. Это было, честно говоря, нечестно с его стороны. В пиджаке он был просто дорого выглядящим боссом. В джемпере это был человек которому, судя по всему, не нужно было вообще ничего делать чтобы выглядеть именно так. Я отметила это. Занесла в протокол. Закрыла протокол.

— Пройдёмте, — сказал он и уже шёл обратно, не проверяя иду ли я.

Я шла.

* * *

Место было другое — не кабинет. Стол с бумагами, открытый ноутбук, два стакана воды. Он сел, двинул ко мне распечатку не здороваясь, не предлагая сесть — я просто се-

ла, потому что стоять было бы странно.

— Читайте.

Описание мероприятия: корпоратив, триста пятьдесят человек, загородный отель, два дня, бюджет, дата, требования. Внизу красным:

«Площадка подтвердила бронь, но за 72 часа до начала сообщила о протечке в главном зале. Ремонт в срок невозможен. Клиент категорически против переноса даты. Действия.»

— Сколько времени.

— Сколько было бы в реальности.

— Значит сейчас утро вторника, мероприятие в пятницу. — Я смотрела на листок. — Мне нужно знать три вещи. Первое: есть ли на площадке запасные помещения или соседние корпуса под обходную конфигурацию. Не замена залу — маршрутизация программы вокруг него. Второе: что именно привязано к главному залу — пленарка, ужин, оба элемента. Третье: у клиента hard stop по дате или они просто не хотят переносить — это технически разные вещи.

— Разница.

— Hard stop — юридический или логистический, его не сдвинуть. «Не хотим» — это переговоры. Если второе, у меня есть разговор про то что перенос на неделю это не катастрофа а грамотное управление качеством. Некоторые клиенты это принимают. Некоторые нет — тогда работаем с тем что есть.

— Клиент говорит «нет». Категорически.

— Тогда я одновременно делаю два звонка: на площадку — про конфигурацию, и в пул альтернатив — на случай если конфигурация невозможна. Параллельно, не последовательно. Потому что семьдесят два часа — это не много, и я не могу потратить двадцать из них ожидая пока управляющий отеля перезвонит.

— Альтернативы ищите где.

— В радиусе транспортной доступности от первоначальной площадки. Люди уже спланировали логистику. Перевезти за сто километров — это кошмар, это новое мероприятие с их точки зрения.

— И если в радиусе нет ничего подходящего.

— Будет, — сказала я. — Если искать быстро и системно — варианты есть почти всегда. Я не знаю ваш рынок так как знаете вы. Но я умею искать и умею звонить людям так, чтобы им захотелось помочь.

Он посмотрел на меня — с тем же ровным взглядом, который я уже начинала читать. Нулевое положение — нейтральное. Чуть выше — что-то происходит, он это не показывает. Вот это «чуть выше» — именно сейчас.

— «Звонить так чтобы захотели помочь», — повторил он. Медленно, как цитирует что-то сомнительное.

— Это навык.

— Покажите.

Пауза.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас. — Он развернул ноутбук — там открыт сайт с контактами загородных отелей. — Нужно выяснить наличие зала на триста пятьдесят человек в эту пятницу. Звоните.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня. Не двигался, не добавлял, просто ждал — с абсолютно спокойным лицом человека у которого всё время в мире.

— Хорошо, — сказала я. Достала телефон. Набрала первый номер из списка.

Ответили на третьем гудке. Я не представлялась агентством — честно не знала как. Представилась координатором, объяснила ситуацию коротко: конкретный запрос, конкретные сроки, конкретные параметры. Зала не оказалось. Я поблагодарила и попросила порекомендовать кого-то кто мог бы помочь — и получила два контакта.

Положила трубку. Посмотрела на него.

— Следующий?

Молчание. Потом:

— Не нужно.

— Вы только что получили контакты от людей которые вам отказали, — сказал он — не вопросительно, скорее вслух думал.

— У них не было мотива мне не помочь. Они площадки, не агентства. — Я убрала телефон. — Люди дают контакты когда ты разговариваешь с ними как с людьми, а не опраши-

ваешь как базу данных.

— И вы всегда так.

— Да.

— Почему.

Я на секунду задумалась.

— Потому что это быстрее, — сказала я. — И потому что иначе неинтересно.

Он смотрел на меня. Я смотрела на него. За стеной кто-то упомянул «логотип на задниках», и это прозвучало в тишине неожиданно громко.

* * *

— Следующая ситуация.

— Слушаю.

— Мероприятие идёт. Вы на площадке. Клиент подходит к вам лично и говорит что недоволен кейтерингом — еда холодная, подача медленная, на столах пусто. Ваши действия.

— Сначала хочу понять. Это его личное ощущение или системная проблема по всему залу. Потому что если один человек недоволен — это субъективно. Если половина зала не ела — это уже другое.

— Половина зала.

— Тогда я иду к старшему кейтеринга и объясняю ситуацию. Параллельно возвращаюсь к клиенту: говорю что вижу ситуацию и уже решаю. Рассказываю, что когда происходит. Клиент должен видеть что ситуация под управлением, даже если она под управлением только в процессе.

— Кейтеринг не справляется. Времени на исправление нет.

— Тогда обеспечиваю минимум — хлеб, вода, то что есть на подаче — и перевожу внимание. Объявление, смена активности, что-то что даёт программе движение. Люди терпят дискомфорт когда им есть чем заниматься. Они замечают что что-то не так когда им скучно.

— Откуда это.

— Три года в офисе на сорок человек. Если на планёрке есть еда на столе — сидят сорок минут. Если нет — двадцать пять, и начинают смотреть в телефоны.

— Это не то же самое, — сказал он.

— Принцип тот же. Люди — одинаковые везде. Меняется только контекст.

Пауза.

— Вы серьёзно так думаете или это звучит хорошо.

Я посмотрела на него. Интонация была нейтральная — не враждебная, не насмешливая. Просто прямой вопрос.

— Серьёзно, — сказала я. — Если бы это просто звучало хорошо — вы бы это почувствовали.

Что-то в нём остановилось. Совсем на секунду.

— Это вы мне говорите что я бы уже понял если бы вы ввали.

— Да.

— Смелое заявление.

— Или честное, — сказала я. — Я уже говорила, это раз-

ные вещи.

Он смотрел на меня. Долго. С тем выражением которое я не могла прочесть до конца — не потому что там ничего не было, а потому что там было что-то, и он это очень хорошо контролировал.

— Расскажите о самом сложном человеке с которым вам приходилось работать.

Интонация не изменилась — вопрос как вопрос. Но это был другой вопрос. Не про кейсы — про меня.

Я подумала.

— Директор по продажам на прошлом месте. Назову просто Виктор Андреевич. Виктор Андреевич был убеждён что правила существуют для всех кроме него, звонил в любое время включая воскресенье, и каждый раз когда я говорила «это не моя зона ответственности» — смотрел на меня как на предмет мебели который внезапно заговорил.

— Как работали с ним.

— Поняла что он не слышит «нет» ни в какой форме, но слышит «не сейчас — вот когда» и «не я — вот кто». Переупаковывала отказ как маршрутизацию. Работало в семи случаях из десяти.

— В трёх оставшихся.

— В трёх оставшихся Виктор Андреевич делал что хотел, и мы коллективно делали вид что так и было задумано. Это называется «корпоративная экосистема».

Что-то у него в уголке рта — не улыбка, меньше улыбки,

то самое что я видела в понедельник и что исчезало раньше чем успевало оформиться.

— Вы часто так.

— Как?

— Говорите смешные вещи совершенно серьёзным голосом.

Я не ожидала этого. Не того что он это заметил — того что он это сказал.

— Это был честный ответ.

— Я знаю. Именно поэтому смешно.

Мы смотрели друг на друга. Не как на собеседовании — как-то иначе, на полшага ближе к чему-то чему я не собиралась давать название.

— Следующий вопрос, — сказал он первым.

— Слушаю, — сказала я. Чуть быстрее чем нужно.

* * *

— Почему вы хотите именно эту позицию.

— Мы это обсуждали в понедельник—

— Не «почему агентство». Почему ассистент. Вы умеете думать самостоятельно, это очевидно. Зачем вам роль которая по определению вспомогательная.

Это была другая формулировка. Более острая. Он не повторял понедельник — он шёл глубже.

— Потому что «вспомогательная» — это неточное слово, — сказала я. — Ассистент у хорошего руководителя — это не человек который носит кофе. Это человек который знает

всё, видит всё и закрывает половину вещей раньше чем они становятся проблемами. Незаметная работа которая и есть основа. Мне это подходит — не потому что у меня нет амбиций, а потому что я понимаю откуда реально берётся результат.

— И вас устраивает быть «основой», — сказал он. Не грубо — но с нажимом. — Быть фундаментом пока кто-то другой стоит на нём и называет это своим.

— Пока — да.

— Почему «пока».

— Потому что я только начинаю. — Я смотрела на него ровно. — Спросите меня через два года.

— Это означает что через два года вы уйдёте.

— Это означает что через два года я буду знать достаточно чтобы понять что дальше. Может, останусь. Может, нет. Я не умею врать про горизонты — вы бы это почувствовали.

Пауза. Он смотрел на меня и в этот раз не отводил взгляд.

— Вы только что сказали работодателю что возможно уйдёте через два года.

— Я сказала правду. Если вам нужен человек который обещает остаться навсегда — я не тот человек. Если вам нужен человек который пока здесь — работает полностью — я тот человек.

Тишина.

Не та тишина что была в понедельник — плотная, оценивающая. Другая. Как будто в комнате изменилось давление.

Он взял ручку. Написал что-то на листке — развернул ко мне.

Три слова: «цифровая трансформация, спикер».

— У нас через три недели ивент. Восемьдесят человек, презентация продукта для партнёров. Спикер выпал в последний момент — нужен эксперт в области цифровой трансформации, живой язык, не академический. — Он забрал листок обратно. — До понедельника пришлите трёх кандидатов. Не список имён — аргументированные предложения с обоснованием почему именно они и почему именно под эту аудиторию.

— До конца дня понедельника или до утра.

Он посмотрел на меня — секунду.

— До конца дня.

— Хорошо.

Встал. Протянул руку — неожиданно, по-деловому. Я пожала. Рукопожатие было точным, коротким — ровно столько сколько нужно.

— До понедельника, — сказал он и уже смотрел в ноутбук.

— До понедельника.

Я вышла.

* * *

В общей зоне всё было так же: телефоны, планинг, кто-то смеялся над чем-то. Коробка с пончиками стояла на том же месте.

Я шла мимо — и вдруг очень чётко осознала что думаю не про домашнее задание и не про кандидатов, а про то как он что сказал и про то что он смотрел прямо и не отводил взгляд, и про то что когда он протянул руку — я почему-то на секунду забыла что именно нужно делать когда кто-то протягивает руку.

Это были плохие мысли.

Это были конкретно те мысли, для борьбы с которыми существует пункт девятый.

Я нажала кнопку лифта.

Блокнот — я вспомнила о нём буквально на секунду, уже стоя в дверях лифта. Марина сидела у ресепшна, что-то печатала. Я открыла рот — и закрыла.

Нет.

Двери лифта закрылись.

Первый этаж. Улица.

* * *

Ветер, солнце. Я дошла до скамейки в сквере — своей, я уже так думала — и некоторое время просто сидела.

Значит, так.

Он сложнее чем в понедельник. В понедельник он был просто жёстким — вопросы как удары, никакого пространства, чистая оценка. Сегодня — это было что-то ещё. Он давил — но слушал. Перебивал — но слышал ответы. И один раз — один конкретный раз — сказал что-то настоящее, не собеседовательное.

«Именно поэтому смешно».

Это была проблема.

Не он. Не то что он сказал. А то что я запомнила это как первое — раньше всех кейсов и вопросов и рукопожатия. Это была иерархия которая мне не нравилась.

Я достала телефон. Написала Кате: «Была. Дали домашнее задание».

«И?»

«Три кандидата в спикеры, эксперт по цифровой трансформации, до понедельника».

«Соня. Я не про задание».

Я смотрела на экран.

«Всё нормально», — написала я.

«Это звучит как — всё не нормально но я не хочу говорить».

«Именно поэтому мы подруги», — написала я и убрала телефон.

Встала. Поправила пальто.

Три кандидата, аргументированно, до конца понедельника. Я это сделаю — хорошо, в срок, без вопросов. Потому что работа это работа и это я умею.

А остальное — это пункт девятый, и пункт девятый написан чётко и понятно и никакой джемпер и никакое «именно поэтому смешно» его не отменяет.

Я пошла к метро.

Быстро.

* * *

В воскресенье вечером, в половине восьмого, Крылов сидел в пустом офисе с ноутбуком и остывшим кофе — стандартное воскресенье, ничего особенного.

Он открыл ящик стола за степлером.

Блокнот с цветочками лежал там же где он его положил в понедельник.

Крылов взял степлер. Закрыв ящик. Открыл документ на экране.

Через двадцать минут пришло письмо от Ветровой — 19:47, до дедлайна четыре часа. Три кандидата, у каждого абзац аргументации, ссылки на выступления, конкретика под аудиторию. В конце одна строчка: «Третий — нестандартный вариант. Думаю, он точнее всего попадёт в зал. Объясню если нужно».

Он прочитал. Перечитал третьего.

Нестандартный — это мягко сказано. Крылов знал этого человека: не с рынка ивентов, из смежной области, говорил хорошо но никогда не выступал в таком формате. Рискованно. Неочевидно.

И при этом — точно. Именно под эту аудиторию, именно под этот продукт. Крылов сам не рассматривал его, потому что шёл по стандартному пулу. А она не знала стандартного пула — и именно поэтому увидела.

Он написал одно слово в ответ: «Объясните».

Откинулся на спинку кресла. Смотрел в потолок.

Потом открыл ящик снова.

Взял блокнот. Не открывал — просто держал. Положил на стол перед собой.

Ответ пришёл через семь минут — развёрнутый, с логикой, с конкретными примерами выступлений, с объяснением почему именно эта аудитория его примет. Без предисловий, без «надеюсь не поздно», просто текст.

Воскресенье, почти восемь вечера.

Крылов прочитал. Написал: «Хорошо. Согласую».

Закрыв ноутбук.

Блокнот всё ещё лежал на столе. Он посмотрел на него — и убрал обратно в ящик.

Это было правильное решение.

Он был в этом почти уверен.

Если любите романтику с юмором, обязательно прочитайте «Невидимку для босса» — собеседование пошло не по плану, так что пришлось садить вместо себя подружку мамы, чтобы босс не подумал, что я охотница за деньгами.

Глава 3. Добро пожаловать в ад. Стиль деловой

Позвонили в понедельник утром, когда я стояла в магазине и выбирала между двумя сортами гречки.

Не потому что между ними есть разница — просто нужно было чем-то занять руки пока я не жду звонка. Потому что я не ждала. Ждать — это создавать ожидания, ожидания это уязвимость, так что я просто стояла с гречкой и была совершенно спокойным человеком.

— Ветрова. — Голос Крылова в трубке звучал точно так же как вживую: без «здравствуйте», без предисловий. — Готовы выйти в среду?

Гречка осталась на полке. Я вышла из магазина не заплатив, вспомнила на улице, вернулась, купила обе пачки, потому что уже не могла вспомнить которую выбрала.

В среду я вышла на работу.

Катя написала в семь утра: «Ты как?»

«Нормально».

«Соня».

«Отлично».

«Соня».

«Катя, у меня есть кофе и две упаковки гречки, всё хорошо».

Она прислала сердечко и отстала. Хорошая подруга.

* * *

Офис в восемь сорок пять выглядел иначе чем на собеседовании. Там был показательный тихий порядок. Здесь — сосредоточенный гул: кто-то вполголоса по телефону, кто-то у планинга с маркером, Дима — рыжий, с вечно удивлённым видом — махнул мне рукой как старой знакомой хотя мы виделись один раз в пятницу.

Марина провела по офису, выдала пропуск, познакомила со всеми в темпе экскурсии. Моё место оказалось у окна, рядом с дверью в кабинет Крылова — функциональная логика, ничего личного. Стол чистый, ноутбук новый, стопка папок с пометкой «ввод в курс дела».

Я открыла верхнюю папку.

Сорок две страницы.

— Это на сегодня, — сказала Марина.

Ладно.

* * *

Крылов появился в десять — прошёл мимо, положил на мой стол листок не останавливаясь.

— До двенадцати.

Четыре задачи. Два часа. Я открыла ноутбук.

В одиннадцать пятьдесят восемь положила на его стол распечатку: встречи подтверждены, контакт найден с прямым телефоном, смета сверена — нашла расхождение, вынесла отдельно, ресторан забронирован.

— Расхождение по смете, — сказал он, читая.

— Подрядчик выставил аренду звука по тарифу выходного дня, мероприятие в пятницу. Разница две четырёхста. Говорят, монтаж в субботу — но по договору в пятницу вечером. Написала им, ждём ответа.

— Ресторан.

— «Сахалин», четверг, восемь вечера, стол на восемь у окна. Меню переслала вам. Добавила краба в бронь заранее — там обычно нужно предзаказывать.

Он поднял взгляд.

— Откуда знаете что нужно.

— Не знаю. Но добавить и убрать проще, чем убрать и потом искать.

Пауза. Взял распечатку. Я вышла.

В коридоре Дима приподнял бровь — «ну как?» Я пожала плечами — «нормально». Этого хватило.

* * *

День катился быстро и как сквозь стекло — первые рабочие дни всегда так. Одновременно делаешь задачи и считаешь экосистему: кто с кем, что принято, что нет, где границы которые никто не объяснял но все знают.

Здесь границы чувствовались чётко. Работали плотно, без лишнего, с той слаженностью которая бывает у команд со стажем. Крылов появлялся и исчезал весь день — переговоры, звонки, люди которые приходили и уходили. Каждый раз когда он проходил мимо моего стола я отмечала это пример-

но так же как отмечают погоду: фоновое, без вывода.

Хорошая система. Я была ею горда.

В три он остановился у стола.

— Завтра встреча с «Гранитом» в девять. Бриф — всё по компании, по контактному лицу, что они обычно хотят. К восьми тридцать.

— Хорошо.

«Гранит» оказался строительным холдингом с мероприятиями раз в год и клиентским лицом — Смирнов Андрей Васильевич, пятьдесят два, по фотографиям с прошлых ивентов любит классику и не любит сюрпризов. В нашем архиве три ивента, все похожи как близнецы.

Я написала бриф. Потом подумала — и добавила страницу: что они не просили, но что могло бы сработать. Отдельным блоком, деликатно, не навязчиво.

Отправила в семь. Ответ пришёл в 23:47: «Страница с предложениями — лишнее. В следующий раз без неё».

Я лежала и смотрела в потолок.

Написала «поняла» и убрала телефон.

Поняла — это не согласилась. Это услышала. Предложения-то хорошие.

* * *

К четвергу я уже примерно понимала правила. Задачи — коротко, вопросы — сам, проблема — приходи с решением, сделала — положи молча. Это была нормальная рабочая логика, я её приняла.

Сложнее было другое, и это другое случилось в четверг в половине третьего у флипчарта.

Мы разбирали структуру майского ивента — я, Крылов и Дима. Крылов рисовал схему, объяснял логику программы, я записывала и одновременно видела что в схеме не сходится тайминг между двумя блоками — там дырка в двадцать минут которую никто не заполнил.

— Вот здесь двадцать минут, — сказала я и показала на схему.

— Где.

Я встала, подошла к флипчарту — встала рядом с ним, потому что иначе не объяснить — и показала пальцем:

— Вот переход от воркшопа к ужину. По хронометражу здесь двадцать минут если трансфер идёт по плану. Если нет — разрушится вся динамика, и испортится общее впечатление от мероприятия.

Он смотрел на схему. Я смотрела на схему. Мы стояли близко — не критически, рабочий контекст, флипчарт, это нормально — но я вдруг очень конкретно почувствовала что он рядом. Не в смысле «заметила». В смысле почувствовала.

— Буфер, — сказал он. Взял маркер — мимо моей руки, задержавшись на секунду и на сантиметр так, что у меня в коленках что-то дрогнуло — и дорисовал блок. — Неформальное общение перед ужином, двадцать минут, ставим как программный элемент.

— Тогда нужно предупредить кейтеринг чтобы к этому

времени был фуршетный стол, — сказал Дима от своего стула.

— Сделайте, — сказал Крылов, мне.

— Хорошо, — сказала я.

Он уже отошёл к столу. Я вернулась на своё место. Дима смотрел в ноутбук с абсолютно невинным лицом.

Хорошо что я тоже умею делать невинное лицо.

* * *

Фотографию я нашла случайно — искала в архиве старый договор, открыла не ту папку.

Там было мероприятие двухлетней давности, большой зал, красиво. И в одном из кадров — Крылов. Не рабочий, не у флипчарта. Просто стоит с кем-то и смеётся — по-настоящему, без стекла.

Я смотрела на фотографию секунды три. Закрыла папку. Нашла договор.

Вечером написала Кате: «Он умеет смеяться».

«Кто».

«Крылов».

«Соня».

«Это наблюдение, Катя. Чисто профессиональное».

«Ты пишешь мне в десять вечера чтобы поделиться профессиональным наблюдением».

«Спокойной ночи».

«Соня—»

Телефон убран.

* * *

В пятницу в конце дня он вышел из кабинета с пальто в руке.

— На следующей неделе во вторник встреча с новым клиентом. Хочу чтобы вы были на ней. Смотрите, слушайте, протокол по итогам — ваш.

— В каком качестве я там.

— В моём.

Я не сразу поняла что он имеет в виду. Потом поняла: не секретарь с блокнотом — его представитель. Это была другая история.

— Хорошо.

— И ещё. — Он надевал пальто. — Страница с предложениями по «Граниту». Я использовал оба пункта на встрече.

Я смотрела на него.

— Вы написали что лишнее.

— Формат лишний. Смирнов не должен это видеть — это внутренний материал, не презентационный. Идея правильная.

Сказал — и пошёл к выходу. У двери обернулся:

— Хорошей пятницы, Ветрова.

— И вам.

Дверь закрылась. Я сидела и смотрела в стену.

— О, — сказал Дима негромко. Он всё слышал. — Поздравляю. Это была медаль.

— Это был укол.

— «Идея правильная», Ветрова. — Дима закрыл ноутбук.
— Я работаю здесь два года. Мне он такое говорил один раз,
и я помню число.

Я посмотрела на него.

— Ты ободряешь или пугаешь.

— Информую, — сказал Дима и пошёл за курткой.

* * *

В метро я думала про флипчарт.

Не хотела — просто думала. Полсантиметра мимо руки,
и он даже не заметил, это был просто маркер в рабочем кон-
тексте. А я заметила, даже не заметила - почувствовала. Это
была несправедливая асимметрия. Срочно надо на свидание
куда-то. Быстро.

Ещё я думала про «в моём качестве». Это звучало как до-
верие. Или как тест. С Крыловым эти вещи были труднораз-
личимы, и я уже понимала что, скорее всего, одно не исклю-
чает другого.

Поезд въехал в тоннель. Я смотрела на своё отражение в
тёмном стекле.

— Пункт девятый, — сказала я тихо.

Женщина напротив подняла взгляд.

— Это не вам, — сказала я.

Она кивнула с видом человека который ездит в метро два-
дцать лет и видел вещи гораздо страннее.

Я вышла на своей станции и пошла домой. Завтра суббота,
можно не думать ни про встречи, ни про бриф, ни про то как

он стоит у флипчарта.

Завтра суббота, и я куплю наконец нормальную кофемолку.

Это был достаточно хороший план.

* * *

Крылов вернулся в офис в восемь вечера.

Не потому что не мог закончить раньше — просто в пятницу вечером офис пустой и думается лучше. Он налил себе кофе, сел, открыл почту. Ответил на то что не терпело до понедельника.

В какой-то момент открыл ящик стола за скрепкой.

Блокнот лежал там с прошлой недели. Крылов взял скрепку. Посмотрел на блокнот. Закрыв ящик.

Открыл снова.

Взял блокнот.

Он не открывал его с понедельника — тогда прочитал список и засмеялся, и это было достаточно неожиданно само по себе. Сейчас он открыл его снова — и перечитал медленно.

Восемь пунктов. Простые вещи, написанные честно. Красное платье. Свидание без чувства вины. Маме сказать что устаю. Съесть что-то вкусное просто так.

И девятый — крупно, с тремя восклицательными, с его именем.

Он закрыл блокнот.

Посидел.

Отсюда, из пятницы вечером с кофе и пустым офисом, неделя выглядела иначе чем изнутри неё. Ветрова нашла расхождение в смете в первый же день — сама, без просьбы. Добавила краба. Страница с предложениями по «Граниту» была правильной по сути и неверной по форме, и она немедленно написала «поняла» и не возражала вслух, но он видел по лицу что возражала внутри. У флипчарта встала рядом и показала дырку в тайминге — точно и без лишних слов, а когда он потянулся за маркером она не отодвинулась, просто стояла.

Большинство людей отодвигаются.

Крылов побарабанил пальцами по столу. Посмотрел на блокнот.

В списке было восемь пунктов которые она написала себе как задачи. Вещи которые она откладывала или которых боялась или просто не позволяла себе. Нормальные человеческие вещи, от которых она почему-то отказалась в пользу того чтобы быть удобной.

Крылов знал этот тип.

Мысль пришла тихо, почти как шутка: а что если помочь.

Не навязчиво. Не объявляя. Просто — создать условия. Ситуации. Поводы. Посмотреть что она делает когда список перестаёт быть списком и становится реальностью.

Это было, если называть вещи своими именами, не очень хорошей идеей.

Он понимал это.

Но блокнот лежал у него в руке, и Соня Ветрова во вторник должна была сидеть на встрече в его качестве, и неделю он думал про краба в ресторанной брони, и это уже само по себе было ненормально.

Крылов убрал блокнот в ящик.

Закрыв ноутбук.

В понедельник он будет вести себя как обычно. Задачи, встречи, протоколы. Никаких экспериментов, никакого списка.

Он почти дошёл до двери когда понял что думает про пункт третий.

Красное платье.

Во вторник после встречи с клиентом у них был клиентский ужин. Ресторан. Дресс-код — нарядный деловой.

Крылов постоял секунду.

Выключил свет.

Вышел.

Глава 4. Цвет красный

На моём столе во вторник утром стояла коробка.

Не маленькая. Не в смысле «кто-то принёс печенье». Большая матовая коробка цвета слоновой кости с тиснёным логотипом сбоку — я не знала марку, но логотип имел такой вид, будто люди которые его придумали никогда в жизни не думали о деньгах, потому что деньги думали о них сами.

Я смотрела на коробку. Коробка стояла.

— Это вам, — сказала Марина, проходя мимо. — Артём Сергеевич оставил с утра.

Я подняла взгляд на дверь его кабинета. Закрыта. Он уже был внутри.

Села. Сняла крышку.

Внутри, в нескольких слоях папиросной бумаги, лежало платье. Красное. Не «бордо», не «терракота», не «глубокий рубин» — просто красное, без извинений, без уточнений. Я тронула ткань пальцем: шёлк, тяжёлый, живой, такой который стоит ровно столько, сколько стоит, и притворяться что нет — бессмысленно.

Под платьем была карточка. Одна строчка, его почерк:

«Оставил вам одежду на рабочем месте. Сегодня клиентский ужин — важно чтобы помощница выглядела соответственно. К.»

Я перечитала.

Перечитала ещё раз.

Помощница. Выглядела соответственно. Как будто я хожу на работу в вахтёрском тулупе и он наконец решил это исправить. Это была такая концентрированная смесь хамства и щедрости, что у меня не было слов — вообще, совсем, ни одного.

Дима смотрел на коробку. Потом на меня. Потом снова на коробку.

— Это что.

— Платье.

— От него.

— От него.

— Соня, — сказал Дима медленно, — я работаю здесь два года и он ни разу никому не дарил одежду.

— Это не подарок, — сказала я. — Это корпоративный дресс-код. Он так и написал.

— Он написал «помощница выглядела соответственно».

— Именно.

Дима смотрел на меня с видом человека у которого есть мнение, но он решил его придержать. Мудрое решение.

Я убрала крышку. Поставила коробку под стол. Открыла ноутбук.

Внутри у меня был полный хаос, но снаружи всё выглядело профессионально, и это главное.

* * *

Встреча с «Меридианом» была в одиннадцать — и Кры-

лов в 8:06, когда я ещё не успела допить кофе, остановился у моего стола.

— Проведёте вводную часть. Пять минут, агентство, проекты, формат работы.

— Сегодня?

— В одиннадцать.

Это прозвучало как рабочая задача. Это также прозвучало как «я бросаю тебя в воду и смотрю как плывёшь», и мы оба это понимали, и он ушёл не дожидаясь пока я скажу что-то кроме «хорошо».

У меня было два часа и злость — отличная комбинация для подготовки.

Клиенты приехали в одиннадцать ровно. Двое: мужчина, молчаливый и внимательный, и Ирина Сергеевна — коммерческий директор, из тех женщин которые за первые тридцать секунд разговора понимают всё что им нужно знать о человеке.

Крылов сел во главе стола. Я — справа. Представил меня одной фразой и передал слово.

Я улыбнулась.

— Расскажу коротко о том как мы работаем. А потом хочу услышать про вас — потому что хороший ивент это не про декор и кейтеринг, это про то что люди унесут с собой. И чем раньше мы это понимаем, тем точнее попадаем.

Пять минут, конкретно, без воды. Под их профиль — девелопмент, партнёрская аудитория, b2b. Закончила вопро-

сом: какое мероприятие за последние два года они считают эталоном и почему.

Ирина Сергеевна чуть подалась вперед.

— Интересный вопрос для начала.

— Эталон говорит больше чем бриф. Бриф это что. Эталон это зачем.

Она кивнула и начала говорить. По-настоящему, не презентационно.

Краем глаза я видела Крылова. Лицо — ровное, непроницаемое. Я решила что сейчас не время разбираться что это означает и сосредоточилась на клиенте.

Через сорок минут я поймала противоречие в том что они говорили и что было в письменном запросе — формат мероприятия расходился. Вынесла аккуратно, без нажима. Клиент посмотрел на коллегу, они быстро переглянулись, уточнили. Я записала.

Крылов молча написал что-то у себя в блокноте.

После встречи Ирина Сергеевна пожала мне руку отдельно — уже в коридоре, пока её коллега разговаривал с Крыловым.

— Вы давно в агентстве?

— Вторая неделя.

Она посмотрела на меня с выражением которое я не сразу расшифровала. Потом улыбнулась.

— Хорошо держитесь.

— Стараюсь, — сказала я.

Они ушли. Мы с Крыловым остались в переговорной.

* * *

Он закрыл ноутбук. Я собирала бумаги.

— Вопрос про формат, — сказал он. — Я собирался его задать.

— Знаю. Вы открыли рот за секунду до меня.

— И не извинились.

— Не извинилась, — согласилась я. — Момент был правильный и я его взяла.

Пауза.

— Да, — сказал он. — Взяли правильно.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня — прямо, без обёртки.

— Хорошая работа, Ветрова.

— Спасибо.

— Концепция для «Меридиана» — ваша. Две недели, два варианта.

— Мне нужен доступ к базе реализованных проектов и тридцать минут вашего времени до конца недели. Иначе буду делать вслепую.

— Завтра в восемь тридцать.

— Хорошо.

Встала. Взяла папку.

— Платье, — сказал он, когда я была уже у двери.

Я обернулась.

— Ужин в восемь. Ресторан «Кутузов». — Голос абсолют-

но ровный, как будто мы обсуждаем логистику. — Там будут люди перед которыми важно выглядеть правильно.

— Я поняла посыл, когда читала карточку.

— Тогда всё.

Я вышла и закрыла дверь, и только в коридоре позволила себе выдохнуть.

Дима, не поднимая взгляда от экрана:

— Медаль?

— Две, — сказала я. — Но одна со звёздочкой.

* * *

Домой я заехала в шесть — быстро, потому что в половину восьмого надо быть в ресторане.

Платье лежало на кровати. Я его туда положила сразу как приехала и теперь смотрела на него с безопасного расстояния, как на что-то что может укусить.

Ситуация была следующей.

Мой босс, которого я знаю всего нечего, принёс мне красное платье. Дорогое. Очень дорогое. Не спросив размера — что означает либо что он посмотрел на меня и определил на глаз, либо попросил кого-то в магазине, и оба варианта были одинаково странными.

Официальная версия: это корпоративный дресс-код, помощница должна выглядеть презентабельно, всё это рабочие расходы и ничего личного.

Неофициальная версия: я понятия не имею что это и мне от этого некомфортно, но платье лежит на кровати и ужин

через полтора часа.

Я позвонила Кате.

— Он принёс мне платье.

Тишина.

— Кто.

— Крылов.

— Платье.

— Красное. Дорогое. Оставил на столе с запиской про дресс-код.

— Соня.

— Катя.

— Это не дресс-код.

— Катя, я тебя прошу—

— Соня, мужчины не покупают женщинам красные платья по рабочей необходимости, это противоречит базовой логике мироздания.

— Он написал «помощница должна выглядеть соответственно».

— Это называется «повод».

Я посмотрела на платье.

— Катя, у меня в списке был пункт про красное платье.

— Ага.

— Ну вот. Вот оно. Лежит. Это просто совпадение и выполненный пункт, и я его надену и пойду на ужин.

— Соня—

— Спасибо, Катя. Всё.

Я повесила трубку. Смотрела на платье ещё тридцать секунд.

Надела.

Подошла к зеркалу.

Ну.

Окей.

Он угадал размер идеально, что было, честно говоря, уже отдельным поводом для беспокойства. Платье сидело так, как умеют сидеть только вещи которые стоят неприличных денег: как будто сшито именно под тебя, именно сейчас, именно для этого вечера.

Я стояла и смотрела на своё отражение.

— Это просто ужин, — сказала я.

Отражение смотрело скептически, но молчало.

Ладно.

* * *

Ресторан «Кутузов» был из тех мест где люди приходят не поесть, а быть — в правильном свете, с правильными людьми, в правильных платьях. Я это поняла ещё в гардеробе.

Крылов стоял у входа в зал — в тёмном костюме, чуть более нарядном чем рабочий, — и разговаривал с кем-то из гостей. Я шла через зал, и он обернулся на звук голоса сзади — и увидел меня.

Замолчал на полуслове.

Это длилось секунды две. Потом он договорил фразу, из-

винился перед собеседником и пошёл ко мне. Лицо — обычное, рабочее. Только смотрел иначе. Смотрел так, как я уже научилась читать его шкалу: нейтрально снаружи и совсем не нейтрально внутри.

— Хорошо, — сказал он. Одно слово, без уточнений.

— Платье подошло, — сказала я.

— Я видел.

Это прозвучало не как рабочий комментарий. Я не стала делать вид что не заметила — просто выдержала паузу и сказала:

— Тогда идём?

— Идём.

За столом нас было восемь. Ирина Сергеевна с мужем — оказалось что он архитектор, интересный, живой. Ещё двое из «Меридиана» и двое со стороны агентства — Крылов и я.

Слева от меня оказался Михаил — партнёр из смежной компании, которого я раньше не встречала. Лет тридцать пять, хорош собой в том смысле что знает об этом и умеет использовать, пиджак сидит хорошо, улыбка отточенная. Он представился сам, сразу, ещё до того как кто-то нас познакомил.

— Михаил. Вы из агентства?

— Да

— Давно?

— Неделю.

— И уже на клиентских ужинах. — Он улыбнулся. — Зна-

чит, произвели впечатление.

— Стараюсь, — сказала я.

Разговор за столом шёл легко — про проекты, про рынок, про чью-то недавнюю выставку. Михаил оказался умным и говорил хорошо, и мне было с ним интересно, и я это не скрывала, потому что зачем.

Крылов сидел напротив.

Я не смотрела на него специально. Просто иногда, в паузах между разговором с Михаилом, поднимала взгляд — и каждый раз он смотрел не на Ирину Сергеевну, не на своего собеседника, а на меня. Коротко. Отводил взгляд.

После третьего раза я перестала делать вид что не замечаю.

Подняла взгляд — он смотрел. Я не отвела. Он тоже.

Три секунды это долго когда смотришь человеку в глаза через стол.

Потом Ирина Сергеевна что-то спросила у него и он повернулся к ней, и я вернулась к Михаилу, и всё снова стало нормальным и рабочим.

Почти.

* * *

После ужина в зале заиграло что-то живое — пианист, несколько пар уже вышли. Михаил повернулся ко мне.

— Потанцуем?

Я открыла рот — и в этот момент рядом возник Крылов.
— Ветрова. — Голос ровный, без нажима, как будто это

обычная рабочая реплика. — Мне нужно вас кое-что спросить.

Михаил посмотрел на него. Крылов посмотрел на Михаила — вежливо, непробиваемо.

— Одну минуту, — сказал Михаил и отошёл с таким видом, будто это была его идея.

Я смотрела на Крылова.

— Что вы хотели спросить.

Пауза. Он смотрел на меня — и что-то в его взгляде было такое, от которого мне стало неудобно стоять так близко. Не в смысле неприятно. В другом смысле.

— Ничего, — сказал он. — Потанцуем.

Это прозвучало не как предложение.

— Вы только что сказали что хотели что-то спросить.

— Передумал. — Он чуть наклонил голову. — Вы умеете танцевать?

— Зависит от танца.

— Это вальс.

— Тогда умею.

Мы вышли на паркет, и он взял мою руку — деловито, без церемоний, как берут всё что принадлежит к рабочему контексту. Его рука на моей талии была именно там где должна быть и ни на сантиметр ближе.

Это было обиднее чем если бы была ближе, если честно.

Мы танцевали. Он вёл хорошо — уверенно и без того чтобы об этом объявлять. Я старалась думать о шагах и не ду-

мать о том что мы танцуем и что от него пахнет хорошо и что это безобразие.

— Михаил Орлов, — сказал он негромко. — Партнёр «Северстрой». Умный, небедный, разведён.

— Вы ведёте досье на гостей?

— Я знаю с кем работаю.

— Мы не работаем, мы сидели рядом за столом.

— Он звал вас танцевать.

— И что.

Он смотрел на меня сверху вниз — и опять это было то самое, которое я уже ненавидела идентифицировать. Не нейтральное.

— Ничего, — сказал он. — Просто информация.

— Спасибо за информацию, — сказала я. — Я заметила.

— Хорошо.

— Хорошо.

Мы ещё немного потанцевали молча.

— Вы злитесь, — сказал он.

— Нет.

— Злитесь.

— Артём Сергеевич, — сказала я очень спокойно, — вы принесли мне платье с запиской про дресс-код, перехватили приглашение на танец и теперь рассказываете мне биографию человека с которым я просто разговаривала за ужином. Я имею полное право злиться. Но я не злюсь. Я вежливо танцую.

Тишина.

Потом — и это случилось вживую, не на фотографии и не за стеклом — он засмеялся. Тихо, коротко, но по-настоящему. И стал совсем другим на эти несколько секунд: живым, настоящим, без рабочего стекла.

— Вы правы, — сказал он. — По всем пунктам.

Я смотрела на него.

— Это было признание?

— Это была констатация.

Музыка закончилась. Он отпустил мою руку — снова деловито, аккуратно — и сделал шаг назад.

— Спасибо за танец, Ветрова.

— Всегда пожалуйста, — сказала я.

Я вернулась к столу. Михаил стоял рядом с бокалом и смотрел на нас с выражением человека который только что проиграл партию и не совсем понял как.

Я его понимала. Я тоже ничего не понимала.

* * *

Домой я ехала в такси и смотрела в окно на ночной город.

Итого за вторник: провела вводную часть при клиенте, поймала противоречие в брифе, получила «хорошую работу» и концепцию на две недели. Надела красное платье. Потанцевала с боссом, поспорила с ним публично и он согласился что я права.

Это был насыщенный вторник.

Телефон завибрировал. Катя: «Ну?»

Я подумала секунду. Написала: «Пункт три выполнен».

«ПЛАТЬЕ??»

«Надела. Весь вечер. Было хорошо».

«А он???»

«Спокойной ночи, Катя».

«СОНЯ»

Я убрала телефон. Смотрела в окно.

Он засмеялся. Вот что я продолжала думать и не могла остановиться. Всё остальное — взгляд через стол, рука на талии, «по всем пунктам» — это можно было разложить по полочкам и убрать. Но смех — нет. Смех был настоящим, и я его видела живым, и это было несправедливо.

— Пункт девятый, — сказала я тихо.

Водитель посмотрел в зеркало.

— Что?

— Ничего, — сказала я. — Просто думаю вслух.

Он кивнул. Мы доехали молча.

* * *

Крылов вернулся домой в половине первого.

Снял пиджак. Налил воды. Сел.

Весь вечер она была в его поле зрения — он не мог сказать что старался этого избежать, потому что не старался. Красное платье на ней было именно так как он думал когда выбирал: без компромиссов, точно. Магазищица спросила для кого, он описал — рост, силуэт, — она принесла три варианта и этот был первым и единственным.

Михаил Орлов звал её танцевать.

Крылов перехватил. Это было, если называть вещи своими именами, не вполне профессиональным решением. Он знал об этом в момент когда делал и сделал всё равно.

Она была права по всем пунктам — платье, танец, биография Орлова. Он это признал потому что это была правда, и потому что когда она злилась и говорила «я имею полное право злиться, но я вежливо танцую» — это было смешно и точно и совершенно невыносимо одновременно.

Он взял телефон. Открыл заметки — там была фотография страницы из блокнота, он сделал её в первый же вечер, просто чтобы была.

Пункт первый: нормальная работа. Сделано.

Пункт второй: не быть удобной для всех. В процессе — и идёт хорошо, судя по тому как она разговаривала сегодня за ужином и в переговорной.

Пункт третий: красное платье. Сделано — сегодня, им.

Он посмотрел на четвёртый.

Свидание без чувства вины.

Орлов взял её визитку перед тем как уйти — Крылов видел. Она дала. Это было её право и это никак его не касалось.

Он убрал телефон. Лёг.

Смотрел в потолок.

«Вы открыли рот за секунду до меня» — и при этом не извинилась. «По всем пунктам» — и стояла и смотрела на

него как человек который ничего не боится и знает об этом.

Ирина Сергеевна за ужином наклонилась и сказала: «Держите её».

Крылов тогда кивнул.

Сейчас думал: именно поэтому не стоит играть со списком. Она хороший человек и хороший профессионал, и это не игрушка.

Это было правильное решение.

Он в нём был уверен.

До тех пор пока не заснул — и последнее что он думал было про пункт четвёртый, и про то что Орлов взял визитку, и про то что это совсем не его дело.

Почти совсем.

♥# Любите горячие противостояния? Тогда вам понравится «Укрощение строптивого босса» — она переспала с наглым менеджером, а оказалось, что он генеральный директор, которого Катя ненавидит.

Глава 5. Катя, Орлов и другие источники головной боли

В среду утром Михаил Орлов написал мне в восемь сорок два.

Я только села за стол, только открыла ноутбук, только собралась стать продуктивным человеком — и телефон завибрировал. «Соня, добрый день. Рад был познакомиться вчера. Если не против, предлагаю продолжить знакомство в менее официальной обстановке. Ужин в пятницу?»

Я смотрела на экран.

С одной стороны: взрослый умный человек, приятный разговор, нормальное приглашение, ничего страшного.

С другой стороны: пункт четыре. Свидание без чувства вины.

С третьей стороны, ко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.